
ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ THEORY OF JOURNALISM

УДК 070

DOI [10.17150/2308-6203.2016.5\(4\).536-545](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2016.5(4).536-545)

Корконосенко Сергей Григорьевич

доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9, e-mail: s.korkonosenko@spbu.ru

Sergey G. Korkonosenko

Dr. in Political Science, Professor and Chair, Department of the Theory of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya naberezhnaya, St.Petersburg, 199034, Russian Federation, e-mail: s.korkonosenko@spbu.ru

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ: ОТ СХЕМАТИЗМА К РЕАЛИЗМУ

Аннотация. Статья является продолжением дискуссии о создании теории СМИ, развернувшейся на страницах журнала. На взгляд автора, надо приветствовать дискуссионные предложения, которые дают полезные импульсы развитию научного знания о журналистике и медиа. Вместе с тем необходимо как можно полнее учитывать реальное состояние теории журналистики, чтобы интегрировать новые идеи в имеющуюся совокупность взглядов и концепций.

Ключевые слова. Теория журналистики, система, медиа, социальный институт.

Информация о статье. Дата поступления 2 сентября 2016 г.; дата принятия к печати 23 сентября 2016 г.; дата онлайн-размещения 31 октября 2016 г.

JOURNALISM THEORY: FROM SCHEMATICS TO REALISM

Abstract. This article is a continuation of the authors of the journal debate on creating a theory of the media. In the author's opinion, one should welcome the debatable proposals that provide a useful impetus to the development of scientific knowledge on journalism and the media. However, we must be fully responsive to the real state of the theory of journalism to aim at the integration of new ideas into the existing set of views and concepts. A realistic approach to development of the theory does not imply a monopoly position of any academic school, but considers the pluralistic coexistence of different theories.

Keywords. Theory of journalism, system, the media, social institution.

Article info. Received September 2, 2016; accepted September 23, 2016; available online October 31, 2016.

Прежде всего хочется порадоваться публикации в журнале «Вопросы теории и практики журналистики» полемических статей теоретико-методологического характера [1; 2]. К сожалению, научная полемика на уровне высокой теории не так уж часто возникает в профессиональной периодике, еще реже разворачиваются дискуссии о структуре и путях развития нашей области познания. Но коли уж разговор дискуссионный, я тоже попытаюсь высказаться по существу предложенных версий. Тем более что в обеих публикациях затрагиваются не только проблемы методологии, но и, прямо или косвенно, вопросы о названии научной отрасли и истоках ее формирования. Ответы на них требуют не только оценочной реакции, но и поиска решений, которые были бы адекватны как перспективам развития отрасли в будущем, так и тенденциям, которые формировались в прежние времена.

В статье А. П. Суходолов и М. П. Рачкова получает развитие системный подход к анализу СМИ и медиа. Этот взгляд, как правило, сочетается с повышенным вниманием к управлению системой, что мы как раз и наблюдаем в данном случае. Подчеркнем, что речь идет именно о развитии определенной методологии. Будет уместно вспомнить, что особенно сильные импульсы к движению мысли в этом направлении в отечественной науке были даны во второй половине прошлого века, в тесной связи с ростом интереса к кибернетике и использованию математико-статистических инструментов для изучения социальных объектов. В частности, на исследователей прессы заметное влияние оказали труды В. Г. Афанасьева [3; 4], которые, как представляется, сегодня незаслуженно предаются забвению. В области журналистики наиболее последо-

вательно данную методологию в течение десятилетий разрабатывает М. В. Шкондин [5–7]; немало есть и других имен.

Таким образом, признанная в отечественной науке ветвь исследований получает новое продолжение. В свете данной традиции представляется продуктивным расширение угла зрения на функционирование системы СМИ: «Система как относительно обособленная целостность противостоит среде, окружению... Между медиасистемой и медиасредой существуют как прямые, так и обратные связи. В то же время система СМИ есть часть более широкой системы — информационной сферы с присущими ей (информационной сфере) отношениями, связями и закономерностями» [1, с. 9]. Так строится логически ясная цепь рассуждений, имеющих своим фундаментальным основанием общую теорию систем.

Что, однако, мешает до конца принять логику авторов? Как нередко случается, категоричность при выстраивании приоритетов в пользу «своей» парадигмы. «Она (теория СМИ)... должна вобрать в себя (или создать в себе заново) теорию журналистики как свою составную часть и дать ей новое развитие в рамках более широкого системного подхода» [1, с. 9]. И далее, соответственно, последовательность (иерархичность) необходимых шагов в теоретической работе: создание сначала теории СМИ как динамической системы, затем — теории журналистики как массово-информационной деятельности, на завершающем этапе — теории управления системой СМИ и потоками массовой информации [1, с. 11].

Во-первых, приверженцы иных подходов могут не согласиться: чем плохи, например, историко-генети-

ческий, вероятностный, ситуационный, нормативный и иные подходы? По меньшей мере по отношению к журналистике, для изучения которой они используются десятилетиями? Так ли уж обязательно они должны растворяться в пространстве системопостроения, утрачивая самостоятельную значимость? Скажу больше: реальная жизнь приносит разочарования в эффективности системного моделирования. К примеру, чешские исследователи критически переосмысливают развитие теории журналистики в своей пост-социалистической стране, прежде всего восприятие западных моделей структурно-системного анализа: «воображаемый барьер Восток / Запад все еще сохраняется в “нашем” сознании, поскольку “мы” чувствуем, что “мы” другие... и возможно, что “они” чувствуют то же самое. Однако этот специфический контекст исторического опыта и сознания должен рассматриваться и отражаться не только в исследовании структур и систем медиа, но также (если не еще более важно) в исследовании аудиторий медиа, каждодневной практики медиа и роли и использования медиа для установления как национальной, так и индивидуальной идентичности» [8, р. 135]. Конечно, можно сослаться на некорректность использованных моделей или их приложения к реальности своей страны, но от таких просчетов не гарантирован ни один методический опыт.

Во-вторых, возникают сомнения насчет управления системой СМИ как приоритетной цели. А если «бессистемно» прислушаться к широко распространенному в современном мире мнению о высшей ценности самопроявления личности, в том числе через прессу? Авторы глобального опроса, посвященного доступу к Интернету, отмечают в своем докладе

для ЮНЕСКО, что «представители международных институтов и национальных правительств всего мира поддерживают свободу выражения убеждений в качестве основного права человека» [9, р. 7]. Можно также расценивать журналистику как явление духовной культуры — национальной и мировой, как сферу профессиональной творческой деятельности, как хранилище исторической памяти... В этих и иных контекстах вряд ли будет уместно придавать задаче управления первостепенное значение.

В-третьих (и это, кажется, корень вопроса), мы по инерции сводим журналистику к массово-информационной деятельности, и тогда трудно возражать против ее включения в состав СМИ на правах структурного элемента. Между тем названная инерция исторически юна и более того — привнесена искусственно, если не сказать волюнтаристски. Те исследователи, что постарше или искушеннее, хорошо помнят, что наименование «средства массовой информации и пропаганды» стало появляться в директивных партийных документах в 1970-х гг., в частности в материалах XXIV съезда КПСС (1971). Разумеется, пропаганда в скором времени отпала, в силу своей откровенно идеологической окрашенности, но аббревиатура «СМИ» закрепилась в официальном, профессиональном, юридическом лексиконе, а затем и в бытовом общении. Так, волевым порядком, существо редакционной деятельности было ограничено распространением массовой информации. Мы, что называется, создали себе проблему, поскольку, с одной стороны, обкорнали понимание многофункционального социального института, исходно называвшегося прессой (за этим словом стояли и деятельность, и опреде-

ленного рода произведения, и власть над умами, и профессиональный этос и т.д.). С другой стороны, мы вывели свой терминологический аппарат за пределы международного словаря. За рубежом наименование «СМИ» встречаются разве что в некоторых бывших советских республиках, а общепринятыми стали другие названия.

Ситуация терминологического распутья сохранялась еще в начале 1980-х гг., когда говорилось, что американские теоретики ввели новые термины — mass communication и mass communications, т. е. средства коммуникации, «хотя этому обозначению ближе соответствует термин "mass media". Трудно отдать предпочтение одному из русских переводов этих терминов, хотя нам представляется более удачным "массовая информация" и соответственно "средства массовой информации"» [10, с. 21]. Перевод весьма небесспорный, тем более что к настоящему моменту в трудах исследователей стал доминировать выбор в пользу медиа, а не информации. «Конец теории массовой коммуникации: рост теории медиа» [11, р. 362] — так называется заключительная глава фундаментальной истории коммуникационной науки американских авторов. Как можно заметить, акцентируются не столько процессы (коммуникация), сколько средства и каналы их осуществления. Значит, содержание процессов должно обозначаться иными словами, и поэтому «медиа», «коммуникация» и «журналистика» не заменяют и не вытесняют друг друга в международном научном словаре. Примечательно, что в разделе «Журналистика и теории прессы» другой энциклопедии коммуникаций подчеркивается их различие в теоретическом плане: «Знаменательно, что многие из этих

теорий... обязаны своим происхождением не исследователям коммуникаций, а философам, религиозным деятелям, политикам, государственным органам, деловым и научным элитам, журналистам и другим работникам медиа» [12, р. 575].

Для чего потребовался экскурс в генеалогию понятий? Чтобы стали очевидными некоторые методологически значимые выводы. Первое: нет самостоятельной научной ценности в создании теории СМИ, которые, согласно действующему законодательству, представляют собой всего лишь формы распространения массовой информации. Если мы не хотим оставаться на обочине мировой научной мысли, следует как минимум встроиться в интернациональный контекст, для которого сегодня органично понятие медиа. Иначе можно оказаться в двусмысленной ситуации, по литературной поговорке «Вся рота идет не в ногу, один поручик шагает в ногу». Второе: соответственно, теория журналистики не может быть производной от теории СМИ. Она не вытекает и из теории медиа и коммуникации, хотя тесно соприкасается с ними, поскольку у функционирования журналистики есть медийные и коммуникационные аспекты.

Здесь вновь возникает тема соотношения явлений и понятий — какое из них шире? Как азбучная истина звучит утверждение, что СМИ (периодика, телепрограммы, зарегистрированные в качестве СМИ сайты и др.) организационно, структурно и функционально включают в себя не только журналистику, но и многие другие компоненты, с точки зрения видов деятельности и распространяемой информации. Но и журналистика в свою очередь не вмещается в понятие СМИ (производство и распространение массовой информации). К тем смыслам, что выше были от-

несены к прессе, добавим «человеческое» наполнение многозначного слова, а именно обретение себя и самореализация человека в журналистском труде при наличии специфических способностей и склонностей, формирование профессиональных сообществ, от редакционного коллектива до национальных и международных корпораций, и т. п. В СМИ и медиа человека не то чтобы нет — он не предполагается как центральная фигура и главный объект научного анализа, тогда как журналистика без него принципиально немислима. Не с зеркальной точностью, но все же просматривается параллель с отличием театра как учреждения от жизнедеятельности актеров и труппы. Наш «театр» (СМИ) остался бы бездвижным каркасом без животворящей энергии «труппы» журналистов.

Так что «оба шире», смотря в каком ракурсе рассматривать.

Такие комментарии рождаются по прочтении проекта новой теории средств массовой информации. Как представляется, это проект внутренне целостный, опирающийся на солидную концептуальную базу и, безусловно, заслуживающий дальнейшей разработки. Однако при условии, что предложенный подход не претендует на монопольное положение, а сосуществует на равных с другими направлениями исследования медиа и журналистики, в том числе из гуманитарного спектра. В данном отношении надо согласиться с тезисом Е. Г. Попковой и А. С. Нацубидзе о том, что «излишняя математизация социально-гуманитарных знаний может привести к искажению их сути... и поэтому не является целесообразной» [2, с. 526]. Обратим внимание: излишняя.

Однако некоторые другие их идеи и высказывания вызывают желание оппонировать или хотя бы

внести уточнения. Взять хотя бы заключительный вывод: «СМИ необходимо рассматривать не как объект и самоцель проведения фундаментальных научных исследований, а как инструмент изучения общества и решения прикладных социально-экономических и политических задач» [2, с. 527]. За что же такая немилость? Не возвращаясь к спорам о наименовании (СМИ, медиа, журналистика и др.), попробуем заменить СМИ на другой социальный институт: государство (религия, школа, церковь, армия) — не объект и самоцель проведения фундаментальных научных исследований. Не слишком ли агрессивно звучит такое допущение? В том, что пресса относится к разряду социальных институтов, не сомневаются исследователи, рассматривающие ее в этом качестве. «По мере того, как пресса росла и комплексно развивалась — с точки зрения структуры, журналистских задач, понимания своей роли и как социальный институт... Историческое развитие изменяло журналистику как профессию и социальный институт...» [13, р. 18], — определенно говорится в американском обзоре истории журналистики. «Как социальный институт, журналистика при любом политическом режиме выполняет определенные социальные роли» [14, с. 184], — утверждает российский исследователь. Для меня тоже принадлежность журналистики к социальным институтам является непреложной истиной. Но даже если на этот счет существуют разногласия, нет достаточных причин для дискриминации давно оформившейся отрасли научного познания. Не будет ли более рациональным решение согласиться с профессором из Бразилии (и далеко не с ним одним) в том, что «журналистика открывает возможности для создания специализи-

рованной области знаний, которая... требует разработки своих, специфических методик, чтобы быть признанной в полной мере [15, р. 12].

Теперь несколько соображений по поводу хронологии создания теорий и приоритете их авторов. Для начала хотелось бы вспомнить о том, что попытки подобного систематизированного описания в отечественной науке делались и неоднократно. Назовем, например, блистательную по полноте материала и эрудиции автора главу «Развитие социологического знания о журналистике (историко-теоретический очерк)» в учебнике «Социология журналистики», написанную петербургским профессором С. М. Виноградовой [16, с. 43–88]. В ней этапы и события истории мировой теоретико-журналистской мысли прослеживаются от «Риторики» Аристотеля до первого десятилетия XXI в. Обзор становления теории журналистики в нашей стране, преимущественно на материале МГУ им. М. В. Ломоносова, опубликовал Е. П. Прохоров [17]; более широкую и подробную картину становления и развития методологических подходов в отечественной науке представил А. Ю. Быков [18] и т. д. Содержание упомянутых трудов убеждает как минимум в том, что российские специалисты самым активным образом участвовали в формировании научного знания о прессе и нередко шли по непроторенным путям; соответственно, нельзя безоговорочно принять утверждение, будто бы «концептуальные основы теории СМИ заложены многочисленными зарубежными авторами» [2, с. 526].

Теперь об именах и датах. Е. Г. Попкова и А. С. Нацубидзе констатируют, что «в 1970-х — 1980-х гг. ученые в ряде стран мира принимали активные меры, чтобы заложить основы современной теории СМИ»

[2, с. 523]. В общем плане с данным утверждением не приходится спорить, поскольку, действительно, интенсивный поиск шел в этот период, как, впрочем, и в другие времена. Но можно ли говорить, что закладывались основы, т. е. теория строилась заново? Уважаемые авторы называют несколько пионерных публикаций на определенных направлениях теоретической работы и предлагают сводную таблицу таких новаций. В частности, по их оценке, социальный подход был предложен Т. Беннеттом в 1982 г.: теория СМИ рассматривается как теория общества, т. е. СМИ сопоставляются с обществом и рассматриваются как его неотъемлемая часть, отражающая современные тенденции социального развития. Но позвольте, социальность прессы акцентировалась на всех этапах истории изучения журналистики, от самого зарождения печати, здесь даже не требуются ссылки на авторитеты. Если же обращаться ко второй половине XX в., то как не вспомнить, например, выдающихся представителей социологии коммуникаций Дж. Меррилла, Ю. Хабермаса, Д. Макуэйла, идеи которых и в самом деле обогатили науку. Для отечественной школы социальность журналистики традиционно является одним из главных предметов интереса, что с контрастной четкостью проявилось в советскую эпоху. В одном из самых интеллектуально насыщенных учебников той поры назывались следующие закономерности журналистики: оказание определенного социально-управляющего воздействия на массовую аудиторию, классовость журналистики, отражение в системе СМИ определяющих черт социально-политической структуры данного общественного устройства [19, с. 27–28]. Совсем не обязательно соглашаться с трактовками со-

ветских исследователей (как, кстати сказать, и западных теоретиков), но нельзя и не учитывать их при составлении реестра новаторов.

В таком же ключе следует воспринимать заявление о том, что основоположником коммуникационного подхода является Д. Серваес (2003 г.), который считает, что СМИ обеспечивают международные коммуникации; названный автор рассматривает их как средство борьбы с бедностью, анализирует процесс культурного развития посредством СМИ, утверждает важную роль СМИ в борьбе за человеческие права... При чтении этих фраз на память приходит деятельность международной комиссии по изучению проблем коммуникации под руководством Шона Макбрайда, созданной ЮНЕСКО в 1977 г. Обстоятельный доклад комиссии под названием «Много голосов — один мир» [20] включал в себя все названные и многочисленные смежные темы, и он действительно открыл новую страницу в понимании межкультурных коммуникаций в современном мире. Научная добросовестность обязывает сказать здесь о незаурядном вкладе У. Шрамма в разработку методологии исследования межкультурных и межэтнических коммуникаций. В рецензируемой статье он значится как основатель «прогрессивного подхода», предложенного якобы в 2014 г. Между тем Шрамм ушел из жизни в 1987 г., его первые книги по теории коммуникации появились в 1940-х гг., а знаменитый труд «Масс медиа и национальное развитие» — в 1960-х [21].

Несколько замечаний о компетентностном подходе, будто бы появившемся в 2005 г., основатель С. Юлла: будущее развития СМИ связано с систематизацией, осмыслением и отбором нужной и досто-

верной информации; чтобы вырабатывать собственное представление о событиях, современному человеку нужно понять, как можно использовать СМИ, вместо того, чтобы становиться их жертвой, и т. п. [2, с. 524]. Эти и им подобные идеи лежат в основе концепций медиаобразования и медиаграмотности; взрывной рост интереса к ним в мире обозначился в 1960–1970-х гг., в частности, под влиянием публикации апокалиптических сценариев М. Маклюэна, предрекавшего всесииле ТВ и других масс медиа. Ныне эта область научной и учебно-методической деятельности получила необычайно активное развитие, есть признанные лидеры-исследователи за рубежом (Д. Букин-гэм, Б. Мак-Махон, Л. Мастерман и др.) и в России (Е. А. Бондаренко, А. В. Федоров, А. В. Шариков и др.), на разных языках выходят материалы конференций и академические труды, в том числе содержащие всестороннее описание истории и концепций современного медиаобразования, а также формируемых в этом плане компетенций [22].

Прошу прощения, если изложенные соображения выглядят как придирки к чужим публикациям. Смысл этого разбора заключатся в том, чтобы еще раз убедиться самому и по возможности доказать читателям, что реальное состояние теории журналистики представлено гораздо более сложной картиной, чем может показаться при первом приближении к ней. Несомненно, в ней надо наводить порядок, но только не путем отметания накопленного ранее материала и выдвижения одной единственно верной теории. Строго говоря, одной теории вообще не может быть, надо постоянно иметь в виду неизбежное сосуществование множества теорий. Реализм подхода к этому множеству заключает-

ся в том, чтобы выявить его, систематизировать, обнаружить слабые места, включая архаику, и точки вероятного прорыва, включая невероятные по первому впечатлению версии. В последнем случае очень полезными могут оказаться свежие решения от представителей смежных областей знания. Бельгийский профессор Франсуа Хендрикс как-то заметил, что сообщество исследователей коммуникации включает в себя «родившихся в коммуникации» и «мигрантов коммуникации», которые изначально обучались по другой

научной дисциплине [23, р. 357]. Думается, что такое сочетание нельзя считать недостатком, скорее, оно служит гарантией от косности мышления. Однако каким бы ни было происхождение исследователей, их новаторские построения избегнут схематизма только в том случае, если будут прочно опираться на реальность — ту, которая порождается живой социальной и журналистской практикой, и ту, которая формируется в процессе научного постижения журналистики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суходолов А. П. К созданию теории средств массовой информации: постановка задачи / А. П. Суходолов, М. П. Рачков // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5, № 1. — С. 6–13. — DOI : 10.17150/2308-6203.2016.5(1).6-13.
2. Попкова Е. Г. Эволюция и новые очертания теории средств массовой информации в XXI веке (размышления над статьей А. П. Суходолова и М. П. Рачкова «К созданию теории средств массовой информации: постановка задачи») / Е. Г. Попкова, А. С. Нацубидзе // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5, № 3. — С. 521–528. — DOI : 10.17150/2308-6203.2016.5(3).521-528.
3. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом / В. Г. Афанасьев. — М. : Политиздат, 1975. — 410 с.
4. Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом / В. Г. Афанасьев. — М. : Политиздат, 1977. — 382 с.
5. Шкондин М. В. Печать: основы организации и управления / М. В. Шкондин. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — 184 с.
6. Шкондин М. В. Система средств массовой информации как фактор общественного диалога / М. В. Шкондин. — М. : Пульс, 2002. — 120 с.
7. Демина И. Н. Медиа-система России: методологические аспекты оптимизации / И. Н. Демина, М. В. Шкондин // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5, № 2. — С. 187–199. — DOI : 10.17150/2308-6203.2016.5(2).
8. Reifová I. Invisible audiences: structure and agency in post-socialist media studies / I. Reifová, T. Pavličková // Mediální Studia. — 2013. — Iss. 2. — P. 130–136.
9. Freedom of Connection — Freedom of Expression: The changing legal and regulatory ecology shaping the Internet / W. H. Dutton, A. Dopatka, M. Hills, G. Law, V. Nash. — Oxford : Oxford Internet Institute, University of Oxford, 2010. — 103 p.
10. Буржуазные теории журналистики (критический анализ) / под ред. Я. Н. Засурского. — М. : Мысль, 1980. — 253 с.
11. Baran S. J., Davis D. K. Mass communication theory: foundations, ferment, and future / S. J. Baran, D. K. Davis. — 6th ed. — Belmont : Wadsworth, 2012. — 400 p.
12. Encyclopedia of communication theory / ed. by S. W. Littlejohn, K. A. Foss. — Thousand Oaks : Sage, 2009. — 1105 p.
13. Dicken-Garcia H. Journalistic Standards in Nineteenth-century America / H. Dicken-Garcia. — Madison : University of Wisconsin Press, 1989. — 352 p.
14. Третьякова О. В. Российская журналистика в контексте демократизации современного общества / О. В. Третьякова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 5 (11, ч. II). — С. 183–188.

15. Machado E. From journalism studies to journalism theory. Three assumptions to consolidate journalism as a field of knowledge / E. Machado // *Brazilian Journalism Research*. — 2005. — Vol. 1, no. 1. — P. 11–23.
16. Социология журналистики / под ред. С. Г. Корконосенко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2013. — 421 с.
17. Прохоров Е. П. История преподавания и разработки теории журналистики [Electronic resource] / Е. П. Прохоров // *Медиаскоп*. — 2006. — Вып. 2. — Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/node/177>.
18. Быков А. Ю. Теоретико-методологические подходы к исследованию журналистики / А. Ю. Быков // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2008. — № 56. — С. 172–186.
19. Ученова В. В. Основы марксистско-ленинского учения о журналистике / В. В. Ученова. — М. : Изд-во МГУ, 1981. — 200 с.
20. MacBride S. et al. Many voices, one world: towards a new more just and more efficient world information and communication order. Report by International Commission for the Study of Communication Problems / S. MacBride et al. — Paris : UNESCO, 1980. — 312 p.
21. Schramm W. Mass media and national development. The role of information in the developing countries / W. Schramm. — California : Stanford University Press, 1964. — 333 p.
22. Федоров А. В. Медиаобразование: история и теория / А. В. Федоров. — М. : Информация для всех, 2015. — 450 с.
23. Heinderyckx F. The academic identity crisis of the European communication researcher / F. Heinderyckx // *Media technologies and democracy in an Enlarged Europe: the intellectual work of the 2007 European Media and Communication Doctoral Summer School* / ed by N. Carpentier, P. Pruulmann-Vengerfeldt, K. Nordenstreng, et al. — Tartu : Tartu University Press, 2007. — P. 357–362.

REFERENCES

1. Sukhodolov A. P., Rachkov M. P. To create a theory of the media: statement of the problem. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 6–13. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).6-13. (In Russian).
2. Popkova E. G., Natsubidze A. S. Evolution and the new outlines of the theory of mass media in the XXI century (reflections on the article of prof. A. P. Sukhodolov and prof. M. P. Rachkov «To create a theory of the media: statement of the problem»). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 3, pp. 521–528. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(3).521-528. (In Russian).
3. Afanas'ev V. G. *Sotsial'naya informatsiya i upravlenie obshchestvom* [Social Information and Control of the Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 410 p.
4. Afanas'ev V. G. *Chelovek v upravlenii obshchestvom* [The Man in the Control of the Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1977. 382 p.
5. Shkondin M. V. *Pechat': osnovy organizatsii i upravleniya* [The Press: The Basics of Organization and Management]. Moscow State University Publ., 1982. 184 p. (In Russian).
6. Shkondin M. V. *Sistema sredstv massovoi informatsii kak faktor obshchestvennogo dialoga* [The System of Mass Media as a Factor of Social Dialogue]. Moscow, Pul's Publ., 2002. 120 p.
7. Demina I. N., Shkondin M. V. Russian media system: methodological aspects of optimization. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 187–199. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(2). (In Russian).
8. Reifová I., Pavlíčková T. Invisible audiences: structure and agency in post-socialist media studies = *Mediální Studia*, 2013, iss. 2, pp. 130–136.
9. Dutton W. H., Dopatka A., Hills M., Law G., Nash V. *Freedom of connection — freedom of expression: the changing legal and regulatory ecology shaping the Internet*. Oxford Internet Institute, University of Oxford, 2010. 103 p.
10. Zasourski Y. N. (ed.). *Burzhuaznye teorii zhurnalistiki (kriticheskie analizy)* [Bourgeois Theories of Journalism (Critical Analysis)]. Moscow, Mysl' Publ., 1980. 253 p.
11. Baran S. J., Davis D. K. *Mass Communication Theory: Foundations, Ferment, and Future*. 6th ed. Belmont, Wadsworth, 2012. 400 p.

12. Littlejohn S. W., Foss K. A. (eds.). *Encyclopedia of Communication Theory*. Thousand Oaks, Sage, 2009. 1105 p.
13. Dicken-Garcia H. *Journalistic Standards in Nineteenth-century America*. Madison, University of Wisconsin Press, 1989. 352 p.
14. Tret'yakova O. V. Russian journalism in the context of modern society democratization. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2011, no. 5, pr. 2, pp. 183–188. (In Russian).
15. Machado E. From journalism studies to journalism theory. Three assumptions to consolidate journalism as a field of knowledge. *Brazilian Journalism Research*, 2005, vol. 1, no. 1, pp. 11–23.
16. Korkonosenko S. G. (ed.). *Sociologiya zhurnalistiki [Sociology of Journalism]*. 2nd ed. Moscow, Urait Publ., 2013. 421 p.
17. Prokhorov E. P. History of teaching and development of the journalism theory. *Mediaskop*, 2006, no. 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/177>. (In Russian).
18. Bykov A. Yu. Problems of methodology of the journalism study in Russia. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Bulletin of Ural State University. Series 1, Problems of Education, Science and Culture*, 2008, no. 56, pp. 172–186. (In Russian).
19. Uchenova V. V. *Osnovy marxistsko-leninskogo ucheniya o zhurnalistike [Basis of the Marxist-Leninist Doctrine of Journalism]*. Moscow State University Publ., 1981. 200 p.
20. MacBride S. et al. *Many voices, one world: towards a new more just and more efficient world information and communication order. Report by International Commission for the Study of Communication Problems*. Paris, UNESCO, 1980. 312 p.
21. Schramm W. *Mass Media and National Development. The Role of Information in the Developing Countries*. California, Stanford University Press, 1964. 333 p.
22. Fedorov A. *Mediaobrazovanie: istoriya i teoriya [Media Education: History and Theory]*. Moscow, Information for all Publ., 2015. 450 p.
23. Heinderyckx F. The academic identity crisis of the European communication researcher. In Carpentier N., Pruulmann-Vengerfeldt P., Nordenstreng K. et al. (eds). *Media Technologies and Democracy in an Enlarged Europe: The Intellectual Work of the 2007 European Media and Communication Doctoral Summer School*. Tartu University Press, 2007, pp. 357–362.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Корконосенко С. Г. Теория журналистики: от схематизма к реализму / С. Г. Корконосенко // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5, № 4. — С. 536–545. — DOI : 10.17150/2308-6203.2016.5(4).536-545.

REFERENCE TO ARTICLE

Korkonosenko S. G. Journalism theory: from schematics to realism. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 4, pp. 536–545. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(4).536-545. (In Russian).